

УДК 81'38

ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АБСУРДИСТСКОМ ТЕКСТЕ («МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ» Е. КЛЮЕВА)

Н.В. Семенова, Т.В. Бабушкина

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматривается построение нарратива в абсурдистском тексте на основе цитации с параллельным использованием приема паронимической аттракции.

Ключевые слова: нарратив, цитация, абсурд, паронимическая аттракция.

В «Теории литературы абсурда», которую её автор, Евгений Клюев, в шутку или всерьез первоначально предполагал назвать «Абсурдная теория литературы» [2: 1], он, рассуждая об абсурде как некоем эквиваленте художественности, между прочим, ссылается на собственную книгу «Между двух стульев» [2: 45]. Вставной фрагмент, где автор рассуждает о невозможности рационального понимания сказки «Курочка ряба», вошел и в теоретический труд, и в художественный текст писателя; о специфике другого вставного эпизода – абсурдистски переложенной «Песни о Соколе» – уже писали авторы этой статьи [6: 222–229].

Читатель, вознамерившийся пересказать сюжет книги «Между двух стульев», очевидно, потерпит фиаско: абсурдистский текст подобен сновидению, которое пересказать невозможно [7: 418]. В этом легко убедиться, предприняв попытку выстроить нарратив на основе идеального абсурдистского текста – «Между двух стульев».

Реконструирование события не дает в этом случае обнадеживающих результатов. Некий молодой человек, который сталкивается, как и все другие персонажи, с необходимостью «играть словами» («все мы просто играем словами» [1: 14]), нажимает спусковой курок истории: приняв услышанное «пирог с тмином» («пирокстминам») за «пирог с миной», провоцирует взрыв и в результате попадает в литературное Зазеркалье, встречается с измененными до неузнаваемости героями книг, пословиц, поговорок, крылатых выражений. Примеряя на себя поочередно чужие маски, он делает все, что в его силах, чтобы вернуться к привычному существованию, и, когда в результате повторного взрыва такая возможность предоставляется, неожиданно от нее отказывается.

Книга, будучи образцом литературы нонсенса, подпадает под определение «современный текст» [2: 1], который не имеет ничего общего с миметическим отображением реальности. Это текст, «не имеющий ничего общего с референтами в предметном мире и создающий свой референт – с самого начала заявленный как литературный» [2: 72]. Принципиально еще одно положение: «Литература абсурда апеллирует прежде всего к самой литературе (воспроизводя её в своем кривом зеркале), и только потом – к реальности» [2: 71]. Принимая как аксиому положение о том, что в абсурдистском тексте работает на

понимание только упорядоченная структура, Е. Клюев в качестве одного из самых продуктивных и сложных способов упорядочивания называет цитирование: «прием цитации – один из самых сложных способов акцентировать структуру» [2: 60].

Из всего многообразия определений цитаты [5: 246–251] остановимся на том, которое наиболее адекватно взятому для анализа тексту. Включая, вслед за Борисом Шварцкопфом, в понятие «цитация» использование в новом контексте не только литературных произведений, но и пословиц, поговорок, крылатых выражений, «а также фразеологических единиц и штампов» [8: 659], остановимся на специфике их функционирования.

Благодаря использованию цитат возникают отдельные нарративные цепочки, отсылающие к «Кармен» П. Мериме, басне И.А. Крылова «Слон и Моська», устойчивому выражению «ежу понятно», фольклорному сюжету о Соловье-разбойнике, «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина.

В I главе «Пирог с тмином» имя героини – испанки Шармен – представляет собой аллюзию сразу к двум источникам: примарному тексту – новелле Мериме «Кармен» и секундарному – опере Бизе. На французский источник указывает комбинация французского «charmant» («прелестный») с именем Кармен. Нарративный элемент составляют страстные объяснения в любви Шармен сначала Бон Жуану, а затем Петропавлу и Всаднику-с-Двумя-Головами. При этом каждый из участников эпизода ведет себя в соответствии с логикой, заданной претекстом.

Имя Бон Жуан маркирует испанскую и французскую литературную традицию («бон» (фр.) – «хороший», «дон» (исп.) – знак благородного происхождения). Вместе с тем «значение “хороший” более положительно ориентировано, чем “bon”. Для “bon” более значительна идея соответствия и совпадения с внешними нормативами. Очень часто при помощи “bon” обозначается снисходительность или даже уничижительное отношение к объекту... Здесь ярко проявляется привычность и обыденность, отсутствие дистанции». [3: 659]. В продолжение книги Шармен последовательно объясняется в любви всякому, кто встречается на её пути, произнося один и тот же монолог: «О любовь моя, я так долго ждала тебя! Я полюбила тебя сразу сильно и страстно: это у меня впервые в жизни!» [1: 10]. Герой, наделенный именем Бон Жуан, утрачивая частицу «дон» и с ней аристократическое происхождение, превращается в «человека, годившегося ей [Кармен] в отцы, деды и прадеды одновременно» [1: 9]. Линия Кармен завершается в 21-й главе встречей её с Белым Боном – новым персонажем, возникшим в результате обмена элементами означающего: Белое Безмозглое и Бон Жуан.

К теме Кармен отсылает и «обрывок странным образом (на основе паронимической аттракции – Т.Б., Н.С.) видоизмененной “Песенки герцога”:

Серьги красавицы –
Словно пельмени...» [1: 23].

Во II главе «Засекреченный старик» нарративизация эпизода возникает в результате обыгрывания поговорки «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали», которая превращается в «Любопытной Барбаре в походе нос оторвали» («В комод, – поправил Петропавел» [1: 18]). Как известно, однознач-

ного толкования русской пословицы о любопытной Варваре нет. Есть предположение, что в этом выражении отразилась практика средневековья, когда за кражу на рынке преступника карали усечением носа. Однако есть и другое объяснение, основанное на той же семантике слова «нос», что и во фразеологизме «зарубить себе на носу», где существительное «нос» означает дощечку, на которой делали зарубки для памяти, для денежных расчетов. Такое менее кровавое значение пословицы вместе с заменой принятого в современном русском языке имени 'Варвара' его этимологическим производящим (Варвара – от Варвар – от греческого *barbaros* – иноземец [4: 76]), да еще и с поправкой «в комод», переводит пословицу в другую семантическую плоскость, сводя её содержание к абсолютной бессмыслице, «чуши», от которой собеседник, Петропавел, столбенеет (1: 18).

Буквально истолкованный фразеологизм «от сердца оторвать» объясняет появление шишки на березе. После того, как старичок, сидящий на березе, запускает в Петропавла шишкой, между ними происходит такой диалог: Откуда у Вас шишка? – От сердца оторвал, – нашелся старичок в этой, казалось бы, безвыходной ситуации» [1: 17].

Цитата из «Песни о Соколе» Максима Горького подытоживает эпизод. После падения старичка с дерева «Петропавел бросился к пострадавшему. Тот лежал в траве и смеялся. Насмеявшись, он грамотно объяснил: “Я не убился, а рассмеялся!”» [1: 17].

Последующие примеры обнажают принципы конструирования нарратива: цитаты «растягиваются», образуя нарративные цепочки со Слономоськой, которого (которую?) «водили», с Ежом, которому всё «понятно». И если «асимметричный дуализм языкового знака», о котором говорится в книге неоднократно [1: 27, 30, 71], напоминает о том, что имя-означающее не мотивировано объектом-означаемым («Название никогда не раскрывает сущности предмета, никогда не покрывает смысла...» [1: 30], то эпизоды со Слономоськой и Ежом доказывают, наоборот, безусловную мотивированность означаемого означающим.

Еж в повествовании возникает, как только о нем упоминают: «Это и Ежу понятно. Эй, Еж! – крикнул он в пространство. – Тебе понятно? – Мне всё понятно, – отозвался из пространства некто Еж» [1: 21]. И при каждом последующем появлении Ежа только реализуется семантический потенциал идиомы «ежу понятно»: «Таинственный Еж деловито шмыгает туда-сюда, по-прежнему всё понимая, но никому об этом не рассказывая» [1: 226]. Когда Петропавел, нарушая правила игры, ловит Ежа, он лишает тем самым окружающих «интеллектуального критерия», что вызывает всеобщее неодобрение: «Эй, Еж! – Чего? – обиженно откликнулся Еж из мешочка. – Тебе понятно? – Нет, – заикаясь прикрикнул Еж. – *Теперь* мне ничего не понятно!» [1: 163].

Названный Ежом, Петропавел приобретает или обязан приобрести свойства Ежа. Он пробует принохиваться, ходить на четвереньках, а также неизменно выступать в роли Ежа, которому всё понятно: «Вдруг Петропавел услышал нечто другое: – Эй, Еж! Какая-то невидимая сила вытолкнула его, как пробку, наружу. – Тебе понятно? – прозвучал знакомый голос. – Мне всё понятно, – отвечал он в соответствии со здешними традициями» [1: 165]. При этом Петропавел утрачивает способность летать. «Ежи не летают. Это и Ежу понятно», – реагирует на это обстоятель-

ство Остов Мира [1: 175]. По-своему комментирует неспособность к полету Летучий Жуан: «Ужи и ежи, как мы знаем из классики... – поверх телячьей ноги наметнул тот и отвернулся» [1: 180].

Дальнейшая перспектива судьбы Петропавла обозначена трансформированной цитатой: «Тебя же потом водить будут. На – по – каз» [1: 189].

Ядро сюжета басни И.А. Крылова «Слон и Моська» проявляется уже в новом имени Петропавла – Слономоська. Нарративный потенциал цитат из этой басни определяет развитие сюжета. Начинается всё с диалога Пластилина Бессмертного и Ваще Таинственного о том, кому и куда водить Петропавла / Ежа / Слономоську. Два дрессировщика, обсуждая условность и в то же время необходимость поводка, приходят к тому, что придется «водить его <...> вплоть до самого некуда» [1: 204]. Ведомый по незнакомым дорогам Петропавел после прибытия в «НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТИК» предполагает, что «водить по-настоящему его будут уже там» [1: 205]. Что до зевак, «зеваки-то кое-какие попадались, правда, не *толпы зевак* и не *на улицах*, а так... отдельные и в чистом поле» [1: 215].

От «андерсоновского» персонажа, Ой-ли-Лукой-ли, Петропавел узнает о том, что ему предстоит совершить богатырский подвиг – победить Муравья-разбойника. Муравей подменяет Соловья, СолоВий же – болотное чудовище – живет на ГИПЕРБОЛОТЕ ИНЖЕНЕРА ГАРИНА. Портрет Муравья-разбойника соответствует его двойному имени: «Народное воображение рисует его могучим и громадным о трехстах двенадцати головах и восьми шеях, с тремя когтистыми лапами, покрытыми чешуей речных рыб. Его грудь спрятана под панцирем пятисот восьмидесяти семи черепах, левое ухо обтянуто кожей бронтозавра, а правое...» [1: 21]. В то же время «пописк богатырский» (вместо посвиста богатырского) соотносим с другим означаемым: «Ну, черненький, должно быть, невзрачный такой, мелкий... Букашка, одним словом» [1: 22]. Песня Петропавла о Муравье – это текст, переделанный исключительно на основе паронимической аттракции:

Муравей, муравей в шапочке,
В тубетеечке жалобно ползешь...
Раз ползешь, два ползешь, три ползешь... [1: 114].

Нарративизация поговорки «В чужом глазу соринку видит, а в своем бревна не замечает» и контаминация цитат определяет развязку этой сюжетной линии. Всё начинается с беседы Петропавла со Стариком-без-Глаза и с вежливой реплики: «У Вас соринка в глазу» [1, с. 116]. Ответная реплика о бревне («– А у себя в глазу бревна не видишь? – в обычной своей нахальной манере осведомился изнуренный старик» [1, с. 116]) имеет следствием учреждение «Мемориального Музея Бревна, *Убивавшего* Муравья-разбойника» [1: 117], причем музей на поверку оказывается «Мимо-реальным».

Чтобы пройти обряд инициации до конца, герою остается поцеловать Спящую Уродину – это условие возвращения домой. Однако постоянная игра, смена масок, ролей приводит к тому, что Спящая Уродина – единственная роль, которая Петропавлу досталась. Таким образом, он сам, поцеловав себя, должен проснуться. В финале происходит возвращение Петропавла, которому всё обыденное кажется теперь скучным, туда, где «играют словами» и сущность предметов определяется их

именами. Ударная концовка демонстрирует как перестановку элементов означающих, так и своеобразно понятый закон «асимметричного дуализма языкового знака» в той реальности, где герой, «...почувствовав себя Летучим Дитятей, взмыл высоко в небо...» [1: 235].

Список литературы

1. Клюев Е. Между двух стульев. М.: «Гаятри», 2008. 240 с.
2. Клюев Е. Теория литературы абсурда [электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/klyuev_evgeniy/teoriya_literaturi_absurda.html. Дата обращения 10.04. 2020.
3. Кружкова Е.В. Особенности перевода французских прилагательных «beau» и «bon» на русский язык [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/35_OINBG_2010/Philologia/75874.doc.htm. Дата обращения 10.04. 2020.
4. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: «Русские словари», «Астрель», 2000. 478 с.
5. Семенова Н.В. Цитата // Теория литературы. Т. II. Прозведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 246–251.
6. Семенова Н.В., Бабушкина Т.В. «Песня о Соколе» в романе Евгения Клюева «Между двух стульев»: к типологии абсурдистских текстов // Новый филологический вестник, 2019. № 1 (48). С. 222–229.
7. Фрейд З. Толкование сновидений. Обнинск: Титул, 1992. 447 с.
8. Шварцкопф Б.С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией // In: Sign, Language, Culture. The Hague – Paris, 1970. P. 658–673.

THE FUNCTION OF THE LANGUAGE GAMES IN THE ABSURDIST TEXT (“BETWEEN TWO CHAIRS” BY EU. KLUYEV)

N.V. Semyenova, T.V. Babushkina

Tver State University, Tver

The article analyses the construction of narrative in the absurdist text on the basis of citation with the parallel use of the paronymic attr action.

Key words: *narrative, citation, absurd, paronymic attraction.*

Об авторах:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета; e-mail: ninasemenova@yandex.ru

БАБУШКИНА Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка с методикой начального обучения Тверского государственного университета; e-mail: tvbabushkina@mail.ru.